

УДК 94(470)

Г. К. Скачкова

ЖЕНСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ТРУД В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рассматриваются социокультурные аспекты деятельности женщин в качестве учительниц городских, сельских, национальных школ Сибири. Данные о профессиональной и общественной деятельности, условиях жизни, оплате труда, основных достижениях и проблемах педагогического труда женщин свидетельствуют о значительных трудностях, которые им приходилось преодолевать, чтобы занять активную жизненную позицию и совершенствоваться в профессии.

Ключевые слова: общественная деятельность, педагогическая деятельность, образование, учитель, Сибирь.

На волне демократических реформ второй половины XIX в. российские женщины обрели право на получение общего и профессионального образования, а также возможность профессионального роста и самореализации. Наиболее доступным путем профессионального самосовершенствования женщин явилась профессия учительницы. Как в центральной России, так и в Сибири потребность в женщине-учительнице была велика по ряду причин. Во-первых, как констатировал известный русский педагог, издатель и редактор журнала «Женское образование» В. Я. Сиповский, есть две черты, «выгодно отличавшие учительниц от учителей – это большая добросовестность в отношении к своим обязанностям и большая сердечность в отношении к учащимся – два качества в педагогическом деле весьма ценные» [1, с. 99]. Во-вторых, относительная дешевизна учительского труда, особенно в начальной и сельской школе, мало привлекала к этому занятию педагогов-мужчин.

Правительственные положения 1868 и 1871 гг. способствовали росту женского гимназического и прогимназического образования, появлению женских епархиальных училищ, открытию педагогических классов при этих учебных заведениях. Некоторые женщины-энтузиастки занимались педагогической деятельностью, не получив специальной подготовки, но с годами приобретали педагогический опыт и самостоятельно сдавали экзамен на звание «народной учительницы». По данным М. Палопеженцева, исследовавшего вопрос развития женского образования в Ялуторовском округе Тобольской губернии, перелом в количественном соотношении кадров учительниц и учителей наступил к 1880 г. – на 5 учителей местных школ приходилось 24 учительницы. До этого времени наблюдалось примерно двукратное преобладание учителей-мужчин [2, с. 72].

Тобольская губерния в начале XX в. по численности женщин-учительниц вышла на первое место в стране. По данным статистического ежегодника России на 1908 г., доля женщин-учительниц составляла 77,1 % общей численности учителей начальных школ Тобольской губернии. В среднем по России соотношение между «учащими» мужского и женского полов в этой категории школ составляло соответствен-

но 54 % к 46,4 %, в Сибири соответственно – 45,8 % к 54,2 %. Тобольская губерния намного опережала в этом отношении другие сибирские губернии (к примеру Томскую и Иркутскую) [3, с. 123].

«Перепроизводство» учительниц в Тобольской губернии привело к тому, что некоторые кандидатки в учительницы ждали своего назначения по 2–3 года [4, с. 91]. Это явление наблюдалось в связи с медленным увеличением количества школ, особенно сельских, на которые правительство не выделяло дополнительных средств. После постановления 1908 г., давшего старт на введение в стране всеобщего начального обучения, наблюдается заметный рост школьной сети в Сибири. Тем не менее, по данным 1915 г., к примеру, города Тобольской губернии были обеспечены школами почти на 99 %, а в сельской местности могли учиться лишь 33,4 % детей школьного возраста [5, с. 39].

Местные педагогические власти самостоятельно пытались решить проблему нехватки школ в сельской местности, прибегнув к опыту создания школ-передвижек. Первые школы такого типа в Тобольской губернии были созданы в конце XIX в., но не получили должного распространения. Массовое создание таких школ связано с деятельностью выдающегося подвижника просвещения, директора училищ Тобольской губернии Г. Я. Маляревского в конце первого десятилетия XX в.

Сельские школы-передвижки были целиком и полностью прерогативой женщин-учительниц. Необремененные семьей молодые выпускницы женских гимназий и прогимназий, епархиальных училищ, учительских семинарий и церковно-учительских школ, одержимые жаждой самостоятельной трудовой деятельности, ехали в самые отдаленные, глухие селения Западной Сибири и с энтузиазмом принимались за дело обучения детей. Передвижные школы были достаточно дешевы для казны, так как бремя содержания школы брали на себя крестьяне того селения, где в данный период основывалась школа. Крестьяне, как правило, платили аренду за школьное здание, изготавливали мебель для класса, покупали дрова, нанимали квартиру для учительницы и даже заботились об ее полноценном питании. По воспоминаниям учи-

тельницы Анны Ионовны Редикульцевой-Бакалдиной, служившей в нескольких школах-передвижках Тобольской губернии, «за 2 руб. 50 копеек в месяц меня кормили сытно и жирно. Получала я 10 рублей в месяц» [6]. За это небольшое жалованье молодая учительница не только учила детей грамоте, заботилась об умственном развитии, физическом совершенствовании, полезном проведении досуга, но и готовила все необходимые пособия для школы, создавала эскизы школьной мебели, сама шила форму для учащихся и т. п. Молодая учительница, с любовью и энтузиазмом относившаяся к своему делу, вызвала в детях ответное желание учиться. Из воспоминаний А. И. Бакалдиной: «Говорю детям: Уже темно становится, завтра запишете. А они в голос: Нет, сегодня! – и сами поворачивают парты к окнам ближе. Нам ведь учиться, что гостинцы есть!» [6].

В течение двух учебных лет учительница школы-передвижки была обязана с детьми пройти курс начальной школы, обучив их первоначальной грамоте и подготовив учащихся к сдаче экзамена. Затем школу переводили в другое село, где уже другие крестьяне, желавшие обучить своих детей, брали обязательства по материальному обеспечению школы [7, л. 28].

Еще большие трудности выпадали на долю русских учительниц, самоотверженно трудившихся в национальных школах Сибири. Настоящей подвижницей просвещения инородческих детей стала воспитанница Иоанно-Введенского женского монастыря монахиня Нина (в миру Феозва Дмитриевна Лепехина), получившая образование в Тобольском епархиальном училище. В школе для инородческих детей, открытой при Иоанно-Введенском женском монастыре в 1885 г., обучалось 16 мальчиков-татар. Для успеха обучения учительнице самой пришлось овладеть татарским языком и составить необходимые пособия для обучения инородцев русскому языку. В отчетах монастырской школы отражены успехи учащихся: «В течение года обучились четко и правильно читать, красиво писать по-русски, выучили 4 действия арифметики, довольно сносно решают задачи и пишут под диктовку» [8, с. 308].

Опыт обучения в татарской школе пригодился Нине Лепехиной в последующем обучении детей инородцев в школе, основанной ею при Кондинской миссионерской общине. Послушница Нина первая начала эксперимент – в 1893 г. открыла небольшую школу прямо в стойбище остяков (ханты) и кочевала вместе с ними в течение года, несмотря на многочисленные трудности. Именно про эту кочевую «маленькую школку» профессор-лингвист Якобий, исследовавший Север в 1893 г., писал, что «такая школа может служить образцом. Я ее ценю с точки зрения принципа» [9, с. 72]. В последующие годы Ф. Д. Лепехина продолжила свой педагогический эксперимент уже в благоустроенной хантыйской школе при Кондинском монастыре.

В очерке путешественника, исследователя и писателя К. Носилова за 1900 г. говорится о молодой русской учительнице вогульской (мансийской) школы из далекого северного села Нахрачи. Она сумела не только наладить дело обучения вогульских детей, составив азбуку для обучения русскому языку, но и превратила школу в реальный очаг культуры на селе. «Много было хлопот с маленькими дикарями: они не только не умели сказать слова по-русски, но даже не умели сидеть на стульях, и ей пришлось на первых порах учить их этому. Русскому языку, благодаря способности вогулов, она научила их довольно скоро, запретив говорить в школе по-вогульски, но выучить их сидеть на стульях, как это ни странно, довольно долго ей не удавалось, потому что дети вогул привыкли сидеть по-татарски, на корточках, и постоянно валились со стульев на пол. Тогда она стала привязывать их ноги к ножкам табуреток, и теперь они сидят, уже не падая с табуреток» [10, с. 33].

Обретя некоторую свободу в получении образования и возможность самореализации, женщины-учительницы одновременно затруднили для себя процесс создания семьи. Действовавшее в России негласное правило – учительниц отдавать замуж за учителей – в Сибири принимало довольно жестокие формы. Не найдя в ближайшем окружении (на десятки и сотни верст) учителей-мужчин, молодые учительницы были обречены на одиночество либо заводили контакты с политическими ссыльными, увлекаясь их идеями и попадали под негласный надзор полиции. О трудной доле сибирских учительниц в конце XIX – начале XX в. часто писала сибирская пресса. К примеру, журнал «Сибирские вопросы» в рубрике «Сибирские письма» сообщал о трагедии, случившейся с молодой учительницей Ольгой Степановной из г. Туринска. По мнению корреспондента, она не нашла понимания среди окружавшего населения и покончила жизнь самоубийством. В предсмертной записке она написала: «Я не могу удовлетвориться мещанским счастьем. Для моего счастья нужно очень многое. Я не могу быть вполне счастливой, когда кругом невежество, суеверия, нужда обездоленного народа, произвол и насилие властей. Я буду счастливой только тогда, когда будет счастлив народ, но это будет нескоро» [11, с. 37].

В условиях отдаленности сибирских школ страдали не только молодые, но и опытные учительницы, которые добросовестно и самоотверженно трудились по несколько лет в небольших сельских школах и надеялись в будущем улучшить свою карьеру. Педагогическое руководство не всегда шло навстречу запросам учительниц, вместо повышения по службе опытных учительниц переводили в удаленные школы, находившиеся в плачевном состоянии. Газета «Сибирский листок» во главе с ее редактором М. Н. Костюриной отстаивала права таких учительниц. К примеру, несправедливому обращению, по

мнению автора статьи, помещенной на страницах газеты, подверглись учительницы сестры Земляничны, успешно служившие в течение многих лет в двухклассном министерском училище с. Муромцево Тарского уезда под руководством своего брата. Несмотря на высокую оценку деятельности школы и заслуги учительниц, местное педагогическое начальство сочло невозможным службу трех родственников в одной школе и перевело А. А. Земляничну (вместо заслуженного повышения по службе) в отдаленный переселенческий поселок урманной полосы без ее согласия [12, с. 2].

Случалось так, что в число неблагонадежных попадали и женщины-руководители. В 1907 г. сибирскую прессу всколыхнуло сообщение об отстранении от руководства Тюменской женской гимназией В. М. Тихомировой, по мнению начальства, несоответствующей своей должности. «Вина» начальницы (выпускницы Высших Бестужевских курсов) заключалась в том, что она, поддавшись демократическим настроениям, допустила во вверенном ей учебном заведении различные новшества, направленные на раскрепощение духа женских учебных заведений и заботу о физическом здоровье учениц (катание на коньках в большую перемену, обязательное лечение зубов всеми воспитанницами, участие в производственных экскурсиях на промышленные предприятия города, проведение совместных с реалистами вечеров в тюменском клубе приказчиков, подготовка к летнему отдыху и др.) [13, л. 19–33]. В результате проверок попечитель Западно-Сибирского учебного округа г-н Лаврентьев пришел к выводу о том, что Тюменская женская гимназия «пришла в окончательный упадок, распушенность же девиц, преимущественно старших классов, достигла до крайних пределов» [14, с. 41].

В целом положение учительниц городских школ было намного выгоднее, чем сельских. Во-первых, в городах были сосредоточены учебные заведения повышенного типа, в которых размер жалованья учительницы был в 3–8 раз выше сельских начальных школ. К тому же в городе была возможность дополнительных заработков. В-третьих, городские библиотеки, лектории, педагогические общества и т. п. позволяли учителям заниматься самообразованием. В-четвертых, городские условия жизни были несравненно лучше сельских. Наконец, городской жительнице было легче найти спутника жизни и создать семью.

Тем не менее служба в городских школах сопряжена была с другого рода трудностями: сложность трудоустройства из-за нехватки школьных мест, своеобразная конкуренция с учителями-мужчинами, постоянный контроль со стороны педагогического руководства, относительная дороговизна жизни и проч. Некоторая дискриминация между «учащими» женского и мужского полов проявлялась в предпочтении учителей перед учительницами при приеме на должность в учебные заведения повышенного типа. Это явление отчасти объяснялось и объективными факторами. К примеру, среди учителей-предметников, даже женских гимназий, преобладали, как правило, мужчины, так как учителей-женщин, получивших высшее образование и соответствующую специальность, насчитывались единицы. [15, с. 22]. Резкий скачок численности учительниц с высшим образованием начал наблюдаться в период Первой мировой войны, в связи с массовой миграцией населения из центральных районов. Об этом красноречиво свидетельствуют данные архивных фондов Ишимской и Тюменской женских гимназий [16, 17].

Образование и статус учителя, естественно, определяли размер жалованья. К примеру, учитель-предметник Тобольской губернской гимназии в 1899 г. получал от 950 до 2 000 и более рублей в год (включая надбавки за выслугу лет в Сибири) [18, с. 141–146], а учительница начальной школы – 120 руб. в год [6].

Кроме профессиональной учительницы активно занимались общественной деятельностью. Они бескорыстно трудились в воскресных школах, обучая взрослое население грамоте, устраивали лекторские бюро при музеях и просветительских обществах, организовывали общества внешкольного образования и воспитания, дома трудолюбия, оказывали благотворительную помощь детским приютам и сиропитательным заведениям и т. д.

Таким образом, с развитием образования женщины получили возможность заниматься педагогической деятельностью, стремясь к профессиональному росту и самореализации. Несмотря на многочисленные трудности, они занимали активную жизненную позицию, трудились добросовестно, творчески, самоотверженно, иногда принося в жертву свою личную жизнь.

Список литературы

1. Сиповский В. Д. Учительница // Избранные педагогические сочинения. С-П., 1911. С. 98–112.
2. Палопеженцев В. Образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 2. Тобольск, 1894. С. 17–85.
3. Солнцев В. Начальное народное образование в России по данным на 1903 год // Ежегодник России на 1908 год. С-П., 1909. С. 107–123.
4. Соколов Е. Ф. Положение начального народного образования в Тобольской губернии за 1897/98 уч. год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. IX. Тобольск, 1898. С. 81–112.
5. Народное просвещение // Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916. С. 39–42.
6. Музей истории народного образования Тюменской области при ТГПИ им. Д. И. Менделеева, фонд А. И. Бакалдиной, папка № 53.
7. ГУТОГА в Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7.
8. Скачкова Г. К. Из истории Иоанно-Введенского женского монастыря // Тобольский хронограф. Вып. 3. Екатеринбург, 1999. С. 304–314.

9. Базанов А. Г. Очерки истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Ленинград, 1936. С. 72 – 73.
10. Носилов К. Вогульская школа // Югра. 1992. № 2. С. 32–34.
11. «Сибирские письма» // Сибирские вопросы. 1910. № 2. С. 3–40.
12. «Скромный наблюдатель». К вопросу о положении народных учителей // Сибирский листок. 1908. № 3. 6 января. С. 2.
13. ГУТОГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 334.
14. «Дело» о начальнице Тюменской женской гимназии // Сибирские вопросы. 1907. № 16. С. 35–42.
15. Таблица «Образовательный ценз законоучителей и учителей министерских народных училищ Тобольской губернии» // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. IX. Тобольск, 1898. С. 22.
16. ГАТО. Ф. И-55. Оп.1. Д. 250 – 272.
17. ГАТО. Ф. И 58. Оп.1. Д. 116 – 120.
18. Школа Тобольской губернии в XVIII – нач. XX вв. Хрестоматия. Т. 1. Тюмень, 2001. С. 141–146.

Скачкова Г. К., доцент.

Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева.

Ул. Знаменского, 58, г. Тобольск, Тюменская область, Россия, 626150.

Материал поступил в редакцию 12.11.2009

G. K. Skachkova

WOMEN'S TEACHER LABOR IN SIBERIA IN THE SECOND PART OF THE XIX–THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

The article deals with the social-culture conditions women's activity as a teacher in town village, national schools of Siberia. The main features of the professional and social activity, conditions of life, wages, achievement and problems state about the great difficulties, which women are to get over to have the active social position and to master in their profession.

Key words: *social activity, pedagogical activity, education, teacher, Siberia.*

Tobolsk State Social-Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev.

Ul. R. Luksemburg, 7, Tobolsk, Tyumenskaya oblast, Russia, 626150.